

Ш а н н А. С.

Поезд идет на восток

(Китайские записки 1993-1994 год)

16+

Анатолий Шанин
Поезд идет на восток

«ЛитРес: Черновики»

2013

Шанин А. С.

Поезд идет на восток / А. С. Шанин — «ЛитРес: Черновики»,
2013

Автор этих записок имел возможность познакомиться с особенностями жизни китайского народа, узнать кое-что и о жизни приезжающих в Китай соотечественников. Ему приходилось напрямую общаться с представителями разных слоев китайского общества от студентов до профессоров, от простых рыночных торговцев до представителей китайского чиновничества. Конечно, большую роль играло знание китайского языка, что помогало глубже, чем другим соотечественникам, проникнуть в увиденное и услышанное. Некоторые явления становились неожиданными открытиями. Кое-что откровенно шокировало, кое-что вызывало уважение.

Содержание

Предисловие	5
2. Российско-китайская граница.	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Предисловие

У нас говорят, что вся жизнь состоит из черно-белых полос, перемежающихся между собой, но китайцы давно считают, что все в жизни подвержено воздействию ЯН (положительного начала) и ИНЬ (отрицательного начала), взаимодействующих между собой. Это вполне соответствует одному из законов диалектики европейской философии: единство и борьба противоположностей.

Примерно так можно охарактеризовать события, происходившие в этих записках в течение одного года жизни русского человека в Китае. Автор этих записок, некогда изучивший в СССР китайский язык еще в те далекие годы советско-китайских разногласий, впервые получил возможность побывать в стране изучаемого языка. К сожалению, это произошло не в благополучные годы развития своей страны, а в годы постперестроечной разрухи и развала великого Советского Союза. Эти события не только влияют на желание человека выжить в данной ситуации и помочь своей семье, но и невольно заставляют сравнивать обстановку в этих двух странах.

Автор этих записок имел возможность познакомиться с особенностями жизни китайского народа, узнать кое-что и о жизни приезжающих в Китай своих соотечественников. Ему приходилось напрямую общаться с представителями разных слоев китайского общества от юных студентов до профессоров, от простых рыночных торговцев до представителей китайского чиновничества. Конечно, большую роль играло знание китайского языка, что помогало значительно глубже, чем другим соотечественникам, проникнуть в увиденное и услышанное. Некоторые явления становились для него неожиданными открытиями. Кое-что откровенно шокировало, кое-что вызывало уважение.

За этот год ему удалось не только познакомиться с достопримечательностями Пекина и его окрестностей, но и побывать в некоторых других местах Китая, сравнивая особенности жизни жителей этих районов между собой.

Поезд «Москва – Пекин»

Вот, наконец, и поезд «Москва – Пекин». Поезд идет на восток. Но как долго я шел к этому поезду. Почти на склоне лет моих поезд идет едва ли ни к началу жизни, во всяком случае, к ее юности. Многое предстоит вспомнить, обдумать, что-то подтвердить, в чем-то убедиться, а что-то узнать заново.

Так уж получилось, что даже годом своего рождения я оказался связан с Китаем: умудрился родиться за четыре месяца до провозглашения Китайской Народной Республики. Время моего не всегда сытого детства в 50-е годы проходило под бравурные песни, марши и лозунги, типа «Русский с китайцем – братья навек!» и «Хинди-русси пхай-пхай!». В то время во всех городах моей страны было много желтолицых молодых людей, одетых в одинаковые темные костюмы и черные пальто. Это были китайцы, приехавшие учиться в страну «великого старшего брата», как тогда в Китае называли Советский Союз. В то время шел активный научный и культурный обмен и сотрудничество во всех сферах.

Наша семья жила в небольшом провинциальном городке на северо-западе России. Когда наш отец – простой рабочий, но большой любитель русской народной музыки и песни, в нашем только что построенном доме включал, купленный почти на всю зарплату, небольшой радиоприемник «Рекорд», чтобы послушать последние известия, через некоторое время, матерясь, вынужден был выключать его с таким присловьем: «Растакую мать, опять эти друзья!» Это означало, что после новостей обязательно звучала непонятная, часто заунывная, народная китайская или индийская музыка.

[upornyj_jun_su_kitajskie_skazki_1955_g_il_kochergina](#)

А одной из моих самых первых детских книг, которую я сам, как упорный Юн Су, прочитал (Юн Су – маленький герой китайского народного эпоса, который по ночам учился, читая при свете светлячков, которых он собирал для этого. – А.Ш.), была маленькая книжечка назив-

дательного характера о трудолюбивом мальчике Сяо Лине и его десяти маленьких друзьях, то есть десяти пальцах, способных на небольших грядках вырастить хорошие овощи. Вот так своеобразно я познакомился с этим трудолюбивым народом и очень глубоко воспринял эту сказку, тем более что самому в детстве тоже приходилось заниматься хоть и не очень интересной, но нужной работой: копать, рыхлить, сажать, поливать, окучивать, а потом и убирать урожай, такой необходимый для нашей большой семьи. Позднее мне уже очень нравились китайские народные сказки о не совсем понятных чудесах и героях со странными именами. Жаль, тогда до более серьезных произведений дело, к сожалению, не дошло – после 1958 года советско-китайская дружба начала давать сбои.

Потом был пионерский лагерь и маленький мальчик, ставший там на время председателем совета отряда. И когда этот мальчик на утренней или вечерней линейке шел с рапортом к председателю Совета дружины, нужно было проходить мимо отряда старших ребят, и они совершенно непонятно почему вдруг посмеивались: «Глянь, «китайчонок» идет докладывать». Видимо, было в моей внешности что-то схожее с моими китайскими сверстниками, которых наши ребята могли видеть разве что только в киножурналах «Новости дня»: стриженная наголо голова с небольшой прямой челкой, а может быть и очень уж ответственный вид и искренне горящие святой верой в «наше правое дело» глаза.

Прошло еще несколько лет, после окончания школы пришло время выбирать дальнейшую судьбу. И когда я решил ехать в Москву пытаться счастья в инязе, один из моих друзей, узнав об этом, неожиданно вдруг предсказал, что мне предстоит изучать китайский язык. Как в воду глядел. И когда мне на приемной комиссии предложили изучать китайский, я уже не удивился – морально был почти готов к этому. Официальной версией такого предложения был хороший результат на экзамене по русскому языку, ведь преподаватели этого вуза любили повторять: «Нам нужны люди с хорошим знанием родного языка, а иностранному мы вас сами научим». Лишь позднее я понял, что в этом выборе тоже была своя закономерность: не мог простой парень из рабочей семьи рассчитывать на изучение престижных западных языков. К тому же и фамилия моя оказалась созвучной с фамилией одного из ведущих советских китайистов профессора Ошанина, но об этом я узнал уже позже, когда стал пользоваться словарем этого профессора. Это уже были совсем другие времена: от былой «дружбы навек» не осталось и следа. Два «вечных друга» с середины 60-х годов не только поливали друг друга словесно на страницах идеологических изданий, но и, случалось, свинцовым дождем на некоторых участках границы.

Много воды утекло с тех пор, много часов отстучал своими колесами поезд жизни. И за окном того поезда, как когда-то пелось в одной молодежной песне, «мелькали города и страны, параллели и меридианы». Во всяком случае мелькали те республики, которые теперь стали вдруг чужими странами. Были и пески, и степи, и горы, и тундра, и реки, и моря, и леса, и болота, и мороз, и зной. Но больше всего было дорог, по которым пришлось пройти, проехать, пролететь, проплыть, и людей, с которыми приходилось общаться: служить и работать, учиться и учить, ссориться и мириться.

Пока я раздумывал да вспоминал прошлое, наш поезд тоже уже давно стучал колесами, а пассажиры в нашем вагоне постепенно успокаивались после посадочной суеты, начинали знакомиться и готовиться к ужину.

Большую часть пассажиров составляли новоявленные коммерсанты, в основном китайские, которые пытались быстро разбогатеть на дефиците в России, но было и несколько русских «челноков». Этим, с позволения сказать, коммерсантов объединяло только одно: и те, и другие не отличались хорошим воспитанием. Китайцы устроили шумную толкучку во время посадки, а из соседнего купе, где ехали русские, уже раздавался звон стаканов и неслась крутая матерщина.

Но мне повезло: со мной в купе ехали только две женщины-китаянки, мать и дочь. Одной было уже под восемьдесят, другой, как выяснилось, под шестьдесят, но на вид ей нельзя было дать и больше сорока – возраст китайцев по виду определить довольно трудно, тем более, как выяснилось потом, она не была замужем. С самого начала после некоторого удивления моих соседок разговор пошел на китайском, поскольку они совершенно не знали русского языка. Разговаривали они охотно, но понимать их китайскую речь мне было довольно трудно, особенно быстрый разговор старшей женщины, поскольку она говорила только на сычуанском диалекте. Удивительным было то, что мой явно плохой китайский язык они все же понимали, да и другого выхода не было. Часто приходилось пользоваться предусмотрительно захваченным карманным словариком, но за каждым словом в него не полезешь, да и во многих случаях он тоже был не в состоянии помочь.

Через некоторое время почти все китайцы вагона уже были оповещены, что в одном купе едет русский профессор – стажер Пекинского университета, знающий китайский язык. Все китайцы резко меня зауважали, стали улыбаться и здороваться при встречах.

Когда мы немного разговорились, выяснилось, что мои попутчицы – китайские интеллигенты: мать – врач, дочь – учительница. Живут в Чэнду (столица провинции Сычуань. – А.Ш.), а в Москве были в гостях. Там работают два сына и младшая дочь этой женщины. Они врачи традиционной китайской медицины, занимаются иглоукалыванием и работают в одной из московских платных клиник. Судя по рассказам этих женщин, их родные в Москве работой и жизнью довольны, коллеги их ценят, зарплата хорошая. Женщин хорошо принимали в семьях родственников, но они с удовольствием также вспоминали и о встречах с гостеприимными и веселыми русскими людьми, друзьями или соседями их родственников. Негативных оценок, видимо, в силу своего воспитания женщины не давали.

Когда проехали Ярославль, уже в районе Кирова (в то время компания по переименованию городов еще не набрала оборотов) наш поезд слегка осыпало снежком. Заканчивалась проверка билетов и паспортов, во время которой проводники установили, что у одной из моих соседок по имени Гань Дэмин сегодня день рождения. Они попросили меня передать, что они поздравляют свою пассажирку и желают ей счастливого пути. Я немного не понял, почему виновница торжества удивилась факту своего дня рождения больше, чем самому поздравлению. И только потом я вспомнил, что в Китае до сих пор пользуются лунным календарем, и поэтому большинство дней рождения, особенно пожилые люди, отмечают по лунному календарю, а в документе, естественно, была дата рождения по официальному солнечному. Оказалось, что я в качестве сувениров весьма кстати прихватил с собой украинские узорчатые платки, один из которых тут же нашел себе применение. Подарок был принят очень благосклонно, и мое предложение отпраздновать это событие также было поддержано, тем более что время приближалось к ужину.

С этого ужина как-то сразу повелось, что есть мы стали вместе, а китаянки как бы взяли надо мной шефство. Соседки активно угощали меня своими дорожными припасами: едва ли не целая сумка с пакетами китайской лапши быстрого приготовления (в то время это было что-то экзотическое), жареные куры, сухое мясо, яйца, сваренные в чайном листе, соленые овощи и фрукты, большая часть которых была явно заготовлена еще в Китае. От предложенных мной продуктов, тоже предусмотрительно прихваченных с собой, они почему-то деликатно отказывались.

После нескольких приемов «блюдов» сычуаньской кухни с большим обилием перца в горле запершило, что обеспокоило моих покровительниц. На ночь они заставили меня выпить какое-то китайское же лекарство. Зная о том, что рядом врач, я отказываться не стал, и на следующее утро боли прошли, синева под глазами, появившаяся из-за предотъездных хлопот, пропала.

В Кирове у вагона возник стихийный базарчик: китайцы старались избавиться от русских денег, покупая разные поделки, большей частью блестящие детские игрушки. Местные жители, по-видимому, уже освоили этот бизнес на международной трассе.

В Пермь приехали в 20.30 по московскому времени. И хотя здесь была уже глубокая ночь, поезд местные жители также встречали с маслом, молоком, жареными курами, колбасой, хлебом и яйцами. И так продолжалось на протяжении всей дороги по матушке России, как будто вся страна поднялась и пыталась в торговле обрести свое счастье. Наиболее предприимчивые даже проезжали в поезде одну-две остановки, чтобы иметь возможность спокойно без суеты делать свой маленький бизнес. Отлично прошла посуда и разные кухонные принадлежности из нержавеющей стали. Как объяснили соседки, в Китае ценится советская сталь. Вскоре я действительно убедился, что китайская сталь в большинстве случаев ни к черту не годится. Механические часы китайцы брали охотно, но торговались. А вот подозрительная труба осталась невостребованной, хотя бытовало расхожее мнение, что на оптику в Китае есть спрос.

Вдоль дороги картина была однообразная – смешанные леса, уже слегка припорошенные снегом. Снег за окном лениво сыпался мелкой крошкой, было холодно, темно и серо. После суеты этих стихийных базарчиков сама собой подкрадывалась мысль: «Неужели Россия, как в начале века, во время очередного раздвоя опять во мгле?..» Книгу с таким названием «Россия во мгле» когда-то в начале века написал американский писатель Герберт Уэльс.

В соседнем купе весело гуляли наши «челноки», четверо мужиков средне-непонятного возраста. В выражениях не стеснялись, да и вольно им было, ведь остальные пассажиры их не понимали. Надо признать, что и китайцы тоже в большинстве своем вели себя довольно развязно, хотя в отличие от русских, как истинные ребята-демократы, пили только чай.

Мои соседки, по-моему, были очень довольны мною как попутчиком: когда ко мне подошел один из китайцев с предложением поменяться местами, мои китайки из-за его спины стали тихонько, но очень испуганно сигналить, чтобы я отказался, что я и сделал, надо признать, не без удовольствия, потому что понимал, как бы тяжело мне пришлось, окажись я в любом другом купе.

Мое присутствие как мужчины, как оказалось, для моих спутниц не имело почти никакого значения. В этом я убедился, когда пришло время укладываться спать. Поначалу обе женщины были в брюках и курточках китайского покроя из хорошего светлого материала. По некоторым туалетным процедурам я понял, что они готовятся ко сну, и попытался объяснить, что я на время выйду из купе, чтобы дать им возможность переодеться и лечь в постель, но они дружно возразили, показывая, что спать не собираются. Гань Дэмин вынула какие-то таблетки и дала матери выпить, затем достала крошечную бутылочку, вероятно, с экстрактом женьшеня, которую ее мать тоже выпила. После этого мать совершенно спокойно сняла верхнюю одежду и осталась в нижнем белье – нательной рубашке и ... кальсончиках. Моя новая попытка скромно удалиться вновь была пресечена на корню, потому что спать, по ее словам, она пока не собиралась.

Началась сложная, но довольно интересная для меня процедура массажа. Сначала массаж рук, затем ног, после этого массаж головы от затылка ко лбу, массаж лица и ушей. Все это старая женщина делала сама. Медленно, спокойно, как-то одухотворенно, как сотворяют молитву. Ее дочь только помогла ей делать массаж шеи и плеч. Потом и она точно также спокойно сняла верхнюю одежду, и, тоже оставшись в таком же опрятном нижнем белье, немного посуетилась в проходе и улеглась на свою полку спать. Надо ли говорить, что такой простотой я был сильно шокирован. Но совершенно напрасно, потому что уже через день, проходя по коридору вагона, напротив некоторых купе, где ехали молодые женщины, увидел развевающиеся на оконной перекладине, чисто выстиранные предметы женского белья. Да и что собственно особенного, путь-то предстоял не близкий.

По утрам мои попутчицы поднимались довольно рано, но, проявляя трогательную заботу, терпеливо ждали, когда я поднимусь, чтобы вместе позавтракать. За это время старая женщина опять успевала сделать необходимый ритуальный массаж, а затем еще и небольшую, но весьма эффективную зарядку у стены в коридоре, воспользовавшись вагонным поручнем.

В первые дни знакомства мы много разговаривали о жизни, подробно обсудили ситуацию в только что растерзанном Советском Союзе. Ситуацию в Китае обсуждали немного скромнее, но в одном сошлись: мои собеседницы тоже жаловались на низкую зарплату. При этом на руках у старшей было золотое кольцо, а на шее золотая цепочка. Возможно, это было результатом плодотворной работы сыновей в России.

Практика общения на китайском языке для меня была чрезвычайно богатая, но больше всего трудностей возникало при обсуждении какой-либо специальной темы.

Гань Дэмин живо интересовалась историей России и историческими личностями, и даже что-то пыталась записывать в записную книжечку. Я попытался оперировать именами ученых-историков, таких как Карамзин, Соловьев и Ключевский. Но все оказалось гораздо проще: ей очень хотелось узнать что-нибудь о школе, где учились Зоя и Шура Космодемьянские. Очевидно, в детстве она читала о них книгу. А ведь наши о Китае и таких вещах, пожалуй, не знают, разве что только некоторых политических лидеров. Более того, она побывала на могилах Космодемьянских на Новодевичьем кладбище и положила цветы. Поинтересовалась, почему молодожены возлагают цветы на могилу Неизвестного солдата. Она при этом искренне считала, что в этом и заключается весь свадебный обряд: приехали, положили цветы и стали мужем и женой. Пришлось подробно рассказать о русских свадьбах.

Свердловск проскочили ночью. Успел заметить, что город значительно больше всех предыдущих. Точно также следующей ночью проехали и Новосибирск. Обратил лишь внимание на красивый вокзал и широкую Обь.

А утром начались осенние пейзажи неопишуемой красоты. Красноярский край после однообразных западносибирских болот ослепил богатой палитрой своей природы. Огромные холмы, усыпанные березовыми рощами, с небольшими деревеньками, как бы прилепившимися на их могучих спинах. Ну как тут не вспомнить «чудо-юдо рыбу кит» выходца из этих мест писателя Ершова.

Затем начались евтушенковские «ягодные» места и его знаменитая станция Зима. Вот уж действительно здесь нельзя не быть поэтом. Эти и без того по-видимому красивые места в это время года обладают поразительным осенним очарованием. Необыкновенно тихий, ярко-золотистый закат придавал этим березовым рощам еще более красочный колорит. И среди этого янтарного моря золота и огня кленовых и березовых листьев вдруг появляется очаровательно изумрудное поле озимых. Чуть дальше в ложине белым молоком разливается туман.

Зашло солнце, но спать не хотелось, ведь по европейским нормам время было еще детское. Однако все китайцы ложились спать очень рано, пришлось и мне привыкать к новому распорядку. Ночью проснулся – прямо перед глазами во весь проем окна сияет Большая Медведица. В селах на Украине звезды тоже бывают очень яркими, но где-то высоко-высоко, а здесь... протяни руку и свободно ухватишься за ее ковш. Рядом висит огромный диск Луны. Чудеса, да и только!

http://image.baidu.com/search/detail?ct=503316480&z=0&ipn=d&word=#####step_word=&hs=2&pn=2&spn=0&di=90310&pi=0&rn=1&tn=baiduimagedetail&is=0%2C0&istype=0&ie

Но никаких чудес, все в соответствии с природой. Ведь мои соседи предупредили, что через день будет китайский Праздник середины Осени. В этот день луна особенно близко находится к Земле и поэтому выглядит очень большой. Все китайцы, где бы они ни находились, в этот день выходят любоваться луной, дарят друг другу и едят «юэбин» – своеобразный круглый или квадратный китайский пряник с разной сладкой начинкой и желтком яйца, символизирующим луну, а также рассказывают детям легенду о красавице Чаньэ, которая, выпив эликсир бессмертия, вознеслась на Луну, и именно в эту ночь один раз в году ее тоскующий муж, оставшийся на Земле, имеет возможность увидеть ее. Красавица Чаньэ стала образом художественного выражения не только в китайском эпосе, но и в картинах, и в скульптурах.

<http://www.nipic.com/zhuanti/12726.html>

Эту легенду я знал уже давно, но никак не ожидал, что придется именно в этот праздник въехать в Китай. Мои соседки были очень удивлены, когда я кратко пересказал содержание этой легенды, более того, процитировал на китайском стихотворение древнего китайского поэта Ли Бо, связанное с этим праздником, – знай наших!

Действительно, наших надо знать. После трехсуточной беспробудной пьянки, очухались, наконец, русские «коммерсанты», которые при ближайшем рассмотрении оказались почти нормальными русскими отставными офицерами. Они собирались ехать только до Хайлара, на большее, по их собственному признанию, денег не хватало. Но мне показалось, что они за эти дни пропили и потом пропьют больше, чем смогут заработать, хотя в этом, судя во всему, и заключалась их сермяжная правда: делать вид, что чем-то заняты. Когда, наконец, они сочли нужным познакомиться, их особенно удивило, как это я понимаю «по-ихнему». В связи с этим они пригласили меня в свое купе, чтобы помочь в разговоре с китайскими дельцами. Надо признать, что обе стороны усиленно старались заморочить друг другу головы какими-то совершенно несбыточными проектами. Непринужденный разговор «за круглым столом» шел в весьма «теплой» обстановке, поэтому чисто по-русски мне тоже предложили выпить. И хотя мне как-то не очень хотелось это делать, отказываться было неудобно.

Мои соседки во время нашей беседы неоднократно проходили мимо купе, в котором мы сидели, и даже прислушивались к разговору. Было видно, что их что-то явно беспокоит. И когда через пару часов я вернулся в свое купе, Гань Дэмин прочитала мне целую лекцию в духе проработки провинившегося члена партии. Из весьма богатой и довольно эмоциональной речи я, к сожалению, а может быть, и к счастью, понял очень немного, иначе мне пришлось бы испытать чашу своего падения до дна. Но самым неожиданным был вывод, что она, как член партии и как старшая сестра обвиняла меня не в том, что я выпивал, а в том, что уронил свое достоинство тем, что как человек с высоким званием профессора, опустился до базарных разговоров низкого уровня, поскольку профессор находится на государственной службе. И уж если профессор будет привлекаться к переводческой работе, то специалист высокой квалификации, а именно таковым я выглядел в их глазах, должен сразу же оговорить условия договора

и оплаты труда. Вот так мне впервые в жизни был преподан урок не только этики, принятой в других государствах, где социальные различия сохранились, но и рыночной экономики.

Между тем поезд приближался к Байкалу, встречи с которым ожидали, кажется, все. Сначала, где-то в районе Ангарска, мы немного проехали мимо единственной непокорной дочери Байкала, которая по легенде, послушавшись отца, по-прежнему несет свои воды красавцу Енисею. Пришлось рассказать своим спутникам легенду о сыновьях, которые несут воду Байкалу, и о дочери, которая у него эту воду забирает. Все китайцы опять стали старательно записывать. А после того как наш поезд проехал Иркутск, прогремел сквозь длинный тоннель, прорубленный в скалах, и, наконец, вырвался на свет божий, нас ослепили не только по-осеннему не очень яркое солнце, но и великолепный вид на Байкал.

Действительно, не зря молва твердила миру, что Байкал – это одно из чудес света, созданных самой природой. Все пассажиры прильнули к окнам с левой стороны вагона, любуясь красивым пейзажем. Поезд еще около двух часов двигался по уступу вдоль скалистых гор, закрывающих Байкал с запада, и мы могли время от времени наслаждаться его величественной красотой.

Затем поезд спокойно выкатился на ровную поверхность прибрежной долины к югу от озера. На станции Слюдянка нам удалось купить и отведать знаменитого байкальского омуля в соленом и копченом виде. Это оказалось чем-то наподобие селедки, но мягче и жирнее. Копченый омуль показался вкуснее, но это, впрочем, и неудивительно. Омудом торговали браконьеры из-под полы, а ленивая милиция делала вид, что запрещает, хотя и дураку было понятно, что местным милиционерам все это хорошо знакомо и совершенно безразлично.

После двадцатиминутной остановки поезд отправился дальше вдоль юго-восточного побережья озера, пересекая большое количество сыновей седого Байкала, которых, согласно той же легенде, всего насчитывается 336. Все они неумоимо изо дня в день и из года в год снабжают Байкал водой.

Поезд шел уже который час. С одной стороны, по-прежнему расстилалось море, с другой – поднимались, кажущиеся снизу очень высокими, горы с заснеженными вершинами. И все это в сочетании с золотом листьев берез, зеленью елей и сосен, изредка красными кустами рябин создавало редкостную по красоте картину. Противоположный берег, по которому мы еще несколько часов назад проезжали, едва-едва просматривался в дымке, а в сторону севера ничего не было видно – простиралось бескрайнее море. Действительно, «славное море – священный Байкал». Вода такого же голубовато-зеленого цвета, как в обычных морях, но значительно чище, чем в прибрежной полосе обычных морей. И такие же мощные, как морские, волны с шумом разбивались о прибрежные валуны, пеной и брызгами рассыпаясь вокруг. Таким образом, слегка перефразируя слова известной песни, бродяга Байкал весь объехал.

2. Российско-китайская граница.

К Улан-Удэ мы подъезжали по широкой долине замечательной красоты, которую ей придавала протекающая посередине река Селенга с живописными берегами. Ее вода, казалось, вообще не движется, а как будто величаво стоит на месте. Кое-где она разветвлялась на рукава, а где-то собиралась в единый

поток и уже становилось видно, что ее медлительность и величавость только кажущаяся – река стремительно мчится вперед.

Река Селенга

Фото из личного архива автора

Город Улан-Удэ из окна вагона выглядел небольшим и совсем невзрачным. Уже через несколько минут промелькнули привокзальные постройки, и поезд остановился у вокзала. На небольшой станции было столпотворение языков и народов: монголы, буряты, русские, китайцы и даже американцы из нашего же поезда, которые вышли фотографироваться на фоне экзотики и фотографировали бегающих по перрону грязных цыганят из Средней Азии. Взрослые цыгане толпились тут же у стены вокзала. Барон их табора в живописном азиатском халате, распахнутом на огромном животе и в тубетейке прохаживался неподалеку, внимательно наблюдая за происходящим. Но, надо отдать им должное, никто из цыган не приставал к пассажирам, а их дети не кланчили у иностранцев деньги. Трудно объяснимая ситуация в современной России: то ли это не совсем цыгане, то ли московская «цивилизация» до них еще не дошла.

Петровский завод – место ссылки декабристов – из окна вагона современного экспресса в конце XX века оказался совсем даже и не страшным, хотя и далековато, но зато природа здесь все же уникальная, во всяком случае в это время года. Вообще мне показалось странным, что снег и холод остались в Европе, а в Сибири, от одного названия которой уже пробивает жуткий озноб, на протяжении всего пути светит солнце, погода чудная, довольно тепло. Меня заинтересовало, неужели здесь нет никаких упоминаний о сосланных сюда декабристах, поэтому я вышел из вагона посмотреть. Нет, все в порядке, у небольшого вокзала установлена легка

заросшая от времени, заброшенная каменная плита с портретами и именами нескольких из них. Интересно, а где же остальные?

После Читы, которую проскочили ночью, и которая не оставила никаких впечатлений, начались голые сопки и степи. Вот здесь места действительно унылые. Поезд медленно полз в сторону границы. От Улан-Удэ в нашем купе уже ехал молодой китаец из Харбина, который, по его словам, имеет в Улан-Удэ какое-то дело.

Когда проводник раздал таможенные декларации, все засуетились, и мне пришлось активно помогать китайцам ее заполнять, хотя и сам-то видел декларацию впервые в жизни, но ведь ни русским, ни английским языком, на которых была составлена декларация, большая часть пассажиров нашего вагона, естественно, не владела. Закончив с этим хлопотным делом, китайцы притихли и насторожились: не то везут что-то недозволенное, не то просто традиционно боятся всякого контакта с представителями власти. Действительно, кто их знает, с какой ноги сегодня встал пограничник или таможенник, который придет для контроля.

Один из русских постарше, товарищи его звали Михалыч, узнав, что своей валюты у меня совершенно нет, попросил задекларировать и провезти часть его долларов, потому что в то время можно было провезти не более 500 долларов. Не увидев в этом ничего плохого, я согласился взять его 400 долларов. Еще одна китаянка попросила меня провезти пару блоков сигарет.

Как только поезд остановился в Забайкальске, в каждый вагон вошли пограничники и собрали паспорта. Затем сразу же прошли таможенники, которые сделали отметки в таможенных декларациях. Надо признать, меня немного удивила простота этой процедуры, поскольку сейчас даже на украинской таможне контроль гораздо строже. Видимо, здесь хорошо знают, что вывезти из нашего государства уже нечего. После этого проводники попросили всех выйти из вагона на несколько часов: предстояла замена колес, поскольку в большинстве стран мира ширина железнодорожной колеи уже, чем в России.

Мне нужно было позвонить домой, чтобы узнать, как обстоят дела с получением кредита на эту поездку, который мне выделили в фонде Сороса. Ведь этой командировке предшествовала довольно странная и запутанная история. После многих лет воинской службы и работы в вузах с китайским языком у меня впервые появилась реальная возможность съездить в Китай, где уже до этого успели побывать некоторые из моих коллег. Когда декан факультета, наконец, решил, что сможет один год обойтись без меня, я стал оформлять документы.

Сначала пришлось заполнить прибывшие из Китая заявление и анкету, затем предстояло пройти медицинскую комиссию в особо определенной для этой миссии, а потому особо коррумпированной платной поликлинике. Будучи военным от молодых ногтей, я хорошо знал, что «нормальные герои всегда идут в обход», поэтому не стал испытывать судьбу в этой платной поликлинике, а спокойно получил необходимые для анкеты штампики в своей районной поликлинике, ведь для китайцев это совершенно не имеет значения. Затем сдал анализы на СПИД, хотя результаты этих анализов, как потом выяснилось, действительны всего несколько дней. Завершением дел, как мне наивно тогда казалось, стало оформление служебного загранпаспорта. Когда все формальные вопросы были закончены, и предстояло лишь решить у ректора университета вопрос финансирования, то есть выделения всего 300 долларов для покупки отнюдь не авиабилета, который в то время был намного дороже железнодорожного, а билетов для шестидневного путешествия в поезде туда и такого же долгого обратно, ректор согласился подписать приказ о моей командировке, но заявил, что средств на покупку билетов у университета нет.

Трехсот долларов на билеты, несмотря на то, что я 26 лет прослужил в армии, а потом еще немного поработал в системе образования, у меня тоже не было. По тем временам такие деньги, тем более в зарубежной валюте, были явлением весьма редким – челночный бизнес только-только разворачивался, а частное предпринимательство находилось еще в более зача-

точном состоянии. Что же касается таких профессий, как преподаватели, то такое исключалось в принципе. Положение создавалось безвыходное, и я уже было решил отказаться от этой поездки, перестал готовиться и поехал в Крым, чтобы отвезти дочку в Евпаторию, где находился детский санаторий на берегу Черного моря. В пути разговорились с попутчицей, которая уже имела опыт поездок в Китай за товаром. Узнав о том, что я знаю китайский язык и имею возможность выехать в Китай, но не имею средств на билет и поэтому отказываюсь, она сильно удивилась:

– Ни в коем случае не отказывайтесь! «Челноки» платят огромные деньги за то, чтобы сделать паспорт, чтобы получить визу, не зная языка, едут куда глаза глядят, платят за дорогу, за гостиницу, а вам все документы сделали, язык знаете, проживание и питание обеспечивают, осталось только на дорогу денег найти. Да разве ж это проблема? Займите, потом вернете сторичей.

Ее слова крепко запали мне в душу, ведь эта поездка, по сути, была мечтой всей моей жизни после учебы в институте. И дай Бог здоровья этой женщине, ставшей своеобразным ангелом, специально посланным мне Богом.

Вернувшись назад, я опять пошел в институт, забрал загранпаспорт и дал согласие на поездку. В это время мне посоветовали обратиться в какой-то таинственный Фонд Сороса, якобы оказывающий поддержку развитию науки в странах бывшего Советского Союза.

Шустро-развеселые молодые люди, пригревшиеся в помещении, снятом специально для офиса этого фонда, по неизвестной причине сначала было приняли меня в штыки:

– Денег нет! – услышал я, как только заикнулся о командировке.

Но один из них все-таки поинтересовался, сколько же мне надо. Услышав о сумме, которую я назвал, они дружно откровенно рассмеялись:

– Такую сумму мы Вам конечно же найдем.

Вполне вероятно, что моя просьба показалась им своеобразной формой атавизма, поскольку другие просили у них суммы на порядок или два выше. После этого они попросили меня заполнить анкету и принести гарантийные письма, подтверждающие мои искренние намерения в соответствующей поездке. Но поскольку в тот месяц деньги ими были уже растранжирены, то мне предложили подождать до следующего месяца, клятвенно заверив меня, что моя просьба будет удовлетворена.

Ждать получения денег я не мог, поскольку время командировки уже было просрочено почти на месяц, и пришлось деньги на билеты пока взять взаймы. Вот почему сейчас мне хотелось еще до пересечения границы убедиться, что деньги женой все-таки получены и мой долг возвращен хозяевам.

На грязной, безлюдной, захоластной станции Забайкальск было какое-то сонное царство, не видно было никакой власти: все было закрыто, нигде ничего не работало, изредка с совершенно безразличным видом проходили пограничники. На мой вопрос кто-то посоветовал сходить на городскую почту, где, возможно, мог быть междугородний телефон. Хотя и было страшновато, поскольку я не представлял себе, сколько времени потребуется на замену колес, – никто об этом не сказал – я все-таки отправился на поиски. Мои опасения оказались напрасными: весь городок можно было пройти вдоль и поперек за полчаса. Но, как можно было и предположить, на почте телефона не оказалось, надо было искать телеграф, а линия единственного телефона на телеграфе была занята. Все как положено!

Пришлось вернуться на вокзал, где выяснилось, что мои поиски вообще были напрасными, потому что тетя Соня, работавшая в почтовом киоске и бывшая едва ли не единственной живой душой на этой Богом и властью позабытой станции, по совместительству занималась и заказами на телефонные переговоры. И хотя заказов у нее было довольно много, а телефонная будка всего одна, я уговорил добрую тетю Соню помочь мне связаться с домом.

В 13.30 по московскому или 19.30 по местному времени состав тихо и медленно подкрался к станции, хотя никаких объявлений по радио не было. Я подошел к уже открытому вагону и вошел в свое купе. Но оказалось, что я уже не первый: на верхних полках стоял наш молодой китаец и старательно отворачивал верхний вентиляционный люк в потолке. Увидев меня, он какое-то время испуганно смотрел на меня, а затем широко улыбнулся своей раскозой улыбкой и, ничего не говоря, продолжил свое дело. Открыв люк железнодорожным ключом, он быстро достал из своей сумки несколько фонарей для автомобилей, запихнул их под потолок и также быстро закрепил люк на прежнем месте. Все произошло в какие-то считанные секунды. Другие пассажиры еще даже не успели войти в вагон. Судя по всему, он уже не первый раз проделывал такую работу, поэтому так хорошо рассчитал время. Закончив эту процедуру, он спрыгнул с верхней полки и, по-прежнему мило улыбаясь, сел рядом со мной. Я понимал, что ему уже ничего не оставалось делать, кроме как положиться на мою порядочность. Естественно, и у меня хоть и было дурацкое положение, но заниматься розысками «честных контрабандистов» в духе лермонтовского Печорина на Тамани не было никакого желания. Отношение же к предательству в любой форме было воспитано еще с детства. Мой-то сосед моих мыслей, конечно, прочитывать не мог и обреченно ждал своей судьбы: «Выдаст или не выдаст?» Можно было только догадываться, что творилось у него в душе.

Вскоре в купе вернулись наши соседки, потом опять вошли пограничники, и, придравшись к документам русских горе-коммерсантов, стали высаживать их из поезда. А ведь у меня были деньги одного из них, и надо было как-то их вернуть. Все пассажиры чинно сидели в своих купе, боясь шелохнуться, тем более что между нашими купе стоял пограничник. Ребята какое-то время пытались качать права, но на границе, как я понял, это совершенно бесполезное дело, поэтому они все же стали собираться на выход. Что же делать? Я вышел из купе, а мой горемыка Михалыч из-за спины пограничника стал подавать мне сигналы, мол, отдай деньги, но я не представлял себе, как это сделать так незаметно, чтобы погранцы не заметили. Затем Михалыч подскочил ко мне как бы попрощаться, и я быстро сунул ему его капиталы.

Одна заморочка на этом закончилась, но пограничники начинали проверять вагон. У нашего купе, загородив собою всю дверь, остановился мощный прапорщик, бывший, как мне показалось, немного навеселе, а солдаты, не решившись его побеспокоить, прошли мимо нашего купе. Из вагона вывели еще двоих китайцев, у которых оказались просроченными паспорта, и забрали двух контрабандных щенков в соседнем вагоне. Они, оказывается, очень дороги в Китае и представляют собой одну из статей бизнеса, но перевозке без документов не подлежат.

Наконец, уже в густых сумерках, поезд медленно и как-то обреченно тронулся дальше, и я, по выражению проводника, остался в вагоне, если не во всем поезде, единственным «советским гражданином». Надо признать, было некоторое тревожное чувство при пересечении границы первый раз в жизни, все-таки совсем чужая страна, да и некоторая настороженность, сохранившаяся еще с тех незапамятных времен обоюдоострой вражды, давала себя знать, не зря же я когда-то рассматривал территорию Китая в прицел мощного бинокля и не только через него.

Минут через десять-двадцать наш поезд, освещаемый прожекторами, сначала пройдя мимо пограничной вышки на советской стороне, а затем, проехав под аркой с надписью «Китайская Народная Республика», уже подходил к ярко освещенной станции Маньчжурия. Я, как будто специально, 1 октября 1993 года въезжал в Китай сразу в два праздника: Праздник середины осени и День провозглашения КНР. Надо ж было так подгадать! К счастью, к несчастью ли?..

Вдоль всей платформы, вытянувшись в струнку и держа руку у головного убора в знак приветствия, стояли железнодорожники, пограничники и таможенники этой станции, которых поначалу даже различить было довольно трудно, потому что все были в форме и при погонах.

Как только поезд остановился, в каждый вагон сразу же вошли пограничники. Молодая девушка в военной форме с золотыми погонами офицера вошла в купе, поздоровавшись и представившись, с непроницаемым лицом стала собирать паспорт. Я попытался поздравить ее с праздником, но она упорно делала вид, что ничего не слышит: она при исполнении и слушать всяких болтунов не желает. Зато стоящий за ее спиной молодой солдат-пограничник широко улыбнулся.

Вслед за ними вошли таможенники и процедура проверки повторилась. Мои соседи стали дружно рассказывать им почти всю мою биографию-легенду, с которой они уже за время дороги успели познакомиться. Таможенник, спросив, какие вещи мои, больше к ним не прикасался, зато стал серьезно знакомиться с содержимым багажа моих соседок, но особенно тщательно стал проверять нашего молодого соседа. Похоже, тот здесь частый гость, и именно поэтому ему уделяли такое пристальное внимание. Но, как и следовало ожидать, ничего незаконного обнаружено не было. После этого нам разрешили выйти на перрон и немного погулять по вокзалу.

Китайцы дружною толпой моментально ринулись к выходу. Мне торопиться было некуда, денег было в обрез, да и страшновато было гулять по чужой территории, поэтому я собрался было пересидеть в вагоне, но Гань Дэмин настойчиво приглашала меня к выходу, поэтому по чисто вылизанной платформе мы отправились на вокзал.

Не знаю, какой шок испытывают наши люди, когда впервые приезжают в Европу, в какую-либо капстрану, но я был серьезно потрясен, попав даже в «социалистический» Китай, хотя уже был немного наслышан об этом. Понимаю, что это не вся страна, а только видимость, показуха, но для тех американцев, немцев и голландцев, которые ехали в нашем поезде, это был резкий контраст по сравнению с нашими российскими делами, беспорядками и расхлябанностью, которые они видели вдоль всей дороги на каждой станции. Здесь же их взорам предстал магазин с полками, ломящимися от чистых, аккуратно упакованных, разложенных, в прямом смысле, по полочкам, товаров. Приветливые молодые продавщицы, смотрящие тебе в рот и готовые услужить всем и сразу, независимо от количества наседавших пассажиров.

ВСЕ СЛУЖБЫ#!!!#– телефон, почта, обменный пункт, полицейский, внимательно наблюдающий за всеми, – несмотря на поздний час, были на месте и были готовы выполнить свои обязанности в лучшем виде. И в этом не было ничего удивительного, ведь международный поезд бывает один раз в неделю, поэтому его специально ждут и серьезно готовятся к встрече. Меня удивило, что на вокзале и на платформе не было посторонних, только пассажиры нашего поезда и служащие, принимающие этот поезд. В небольшом, но уютном зале ожидания был установлен хороший японский телевизор, что было редким явлением по тем временам, перед которым расположился главный полицейский чин и еще какие-то крепкого вида ребята, явно неслучайно попавшие сюда. Как только с одного края перрона неизвестно откуда появился какой-то случайный тип родной им китайской национальности, его тут же выпроводили за пределы вокзала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.